

Ирина Павлова

Irina Pavlova

(Krasnoyarsk State Agrarian University, Russia)

Рец. на: Н.-С. Petersen. An den Rändern der Stadt?: Soziale Räume der Armen in St. Petersburg (1850–1914). Köln: Böhlau Verlag, 2019. 402 S.

DOI: 10.31857/S0869568722020224, EDN: FVUNKI

Книга германского историка Ганса-Кристиана Петерсена является результатом многолетнего изучения истории низших социальных групп дореволюционного Санкт-Петербурга. Социальная история столицы Российской империи привлекала и привлекает внимание российских и зарубежных исследователей¹. Изучаются благотворительная жизнь столицы, отдельные социальные группы населения, вопросы развития городской среды². Можно констатировать интенсивное развитие петербурговедения, в которое рецензируемая монография вносит новый вклад.

Автор отнёс своё исследование к «новой социальной истории», сформировавшейся в 1960-х гг. и концентрирующей внимание на социальных структурах и процессах, в том числе в городах. В Германии она была представлена наиболее оформленной «школой Билефельда». В рецензируемой книге социально-исторический анализ делается на макро- и микроуровнях, автор использует количественные методы, позволившие проследить социодинамику городского пространства.

Обычно понятие «периферия» в историческом контексте используется для обозначения дуальной схемы (модели): столица и провинция. В рецензируемой монографии представлены результаты исследования окраинных пространств внутри столичного Петербурга. При этом в названии кни-

ги стоит знак вопроса: «На окраинах города?». Что может означать этот вопрос? Бедные в Петербурге жили не на окраинах? Автор своим анализом систематизированного материала отвечает на этот вопрос, делая текст монографии проблемным, интересным, логичным. Тема монографии является актуальной, поскольку вопросы о бедности, о так называемых «уязвимых» социальных группах, проблемы «выравнивания» благоустройства в городском ландшафте стоят по-прежнему остро для России и всего мира.

Хронологические рамки работы выбраны логично. Обращение к периоду 1850-х гг. позволяет посмотреть в динамике урбанизационный процесс, который резко активизировался с началом Великих реформ Александра II. Исследование завершается 1914 г., поскольку Первая мировая война положила начало новому периоду социальной истории. Петерсен учитывает главные особенности Петербурга, который был административным центром и «лабораторией модерна», показывает особенности и масштаб урбанизационной революции. Достаточно сказать, что за исследуемый период число жителей города увеличилось в четыре раза.

Монография состоит из введения, трёх глав и заключения. В книге помещены также таблицы, планы и карты, фотографии, что делает тексты «нагляднее». Интерес представляют пла-

¹ *Петерсен Г.-К.* На окраинах города?: Социальные пространства бедных в Санкт-Петербурге (1850–1914). Кёльн: Изд-во Böhlau, 2019. 402 с.

ны застройки районов города, линии трамваев, санитарные карты смертности в разных кварталах.

Первая глава посвящена научно-му исследованию темы и инструментарию исследователя, источниковой базе. При этом автор в каждой главе расширяет историографические сведения по конкретным проблемам, поднимаемым в книге. Петерсен обстоятельно прорабатывает понятие «социальное пространство», которое является смежным для таких обществоведческих разделов, как социология пространства и социальная история. Центральным для учёного стало понятие городской периферии, имеющее два смысла: окраины города и «окраинность» (маргинальность) социальных групп. Слово *«margo»* по латыни и означает край.

В географическом (картографическом) смысле периферия — это не только Заречная («Заневская») часть Петербурга: Васильевский остров, Петербургская, Выборгская стороны. Это и другие социальные пространства, где концентрировался «чёрный люд», например, рынки, места уличной торговли, особые типы квартирования (проживания), встречавшиеся не только на окраинах, но и в центре города.

Источниками изучения темы «социум и пространство» стали документы, записки современников, карты и др. Используются материалы архивов (РГИА, ЦГИА СПб, АРАН), картографического собрания РНБ, периодической печати. Особенно интересен анализ воспоминаний предстателей «низов», встречающихся крайне редко. Следует отметить также обращение автора к художественной литературе, в частности — произведениям А. Белого и Ф.М. Достоевского.

Вторая глава посвящена бедным в городском пространстве Петербурга второй половины XIX — начала XX в. Прежде всего, к бедным отне-

сены сезонные рабочие и отходники, «крестьяне-рабочие», которые, по мнению Й. Баберовского, были в городе «инородными телами» (с. 49). Они прибывали как наёмные работники на временные заработки и концентрировались на «Рабочей бирже» на Зелёном мосту и на многочисленных городских рынках. В классическом виде сегрегация в Петербурге проявлялась ограниченно. Бедные люди часто селились в подвалах и под крышами «богатых» домов. В целом, чем дальше от центра, тем больше было зон их проживания.

Неравномерное развитие городского пространства столицы Петерсен связывает с вопросами городского благоустройства: проблемами освещения, количества и качества дорог, мостов, санитарией, обеспеченностью водой. Так, в центре фонарей было больше в четыре раза, чем в Заневской части. Особенно много их было в тех районах, где часто проезжала царская семья (например, между Фонтанкой и Большой Невой). Исследованы состояние дорожного покрытия, использование асфальта (с 1855 г.), развитие сети тротуаров.

Особое значение для Петербурга имела доступность питьевой воды и канализационной системы, тесно связанная с проблемой эпидемий. В книге приведены данные о том, что только 25% однокомнатных квартир, где проживала беднота, имели водоснабжение проточной водой, в то время как практически все дома с многокомнатными квартирами имели водопровод и канализацию.

Автор иллюстрирует неоднозначность понятия «периферия» в социальном смысле на примере вопроса о смертности. До 1880-х гг. число смертей, в том числе и вследствие эпидемий, в Петербурге превышало число рождений, население росло за счёт миграции. Санитарные карты

демонстрируют, что чем дальше располагался район от центра, тем выше была смертность, причём не только от заразных болезней (с. 62, 65).

В главе есть раздел, посвящённый особенностям исторического и социального развития отдельных частей заневского Петербурга: Васильевского острова с гаванью, Петербургской и Выборгской сторон. Прослеживается, как центр города планомерно расширялся, «продлевался» на эти острова и части, в них создавались свои центральные кварталы. Автор подчёркивает огромную роль мостов в жизни периферийных районов города.

Третья глава посвящена проблеме обеспеченности жильём бедных слоёв населения. Жилищный вопрос в Петербурге (как и в крупных европейских городах) обострился во второй половине XIX в., постоянно обсуждался в печати и со временем стал частью «рабочего вопроса». Быстрое и сильное удорожание жилья в этот период выдавливало малоимущих на окраины, ограничивало условия их проживания углами, подвалами, чердаками, приютами, ночлежками. В результате новостройки всё чаще состояли из маленьких квартир (их называли «маломерками» и «недомерками»).

Плотность проживания в центре была значительно выше, чем на окраинах, несмотря на большое количество пустующих просторных апартаментов. Этот парадокс связан с наличием рабочих мест в центральной части города. Автор рисует живую картину «ручъёв работного люда», «текущих» по утрам в центр города и вечером обратно на окраины. Многие работники шли пешком на работу по 2 часа (с. 187). Петерсен связывает решение жилищной проблемы с процессом джентрификации, облагораживания «депрессивных» кварталов путём благоустройства и привлечения в них состоятельных жителей. Автор

в этой связи сравнивает Петербург с Лондоном и Веной. В столице Великобритании процесс джентрификации изначально протекал целенаправленно. Процессы субурбанизации были связаны с формированием Сити и сопровождалась строительством метро, включением в городскую транспортную сеть железных дорог. В Вене сформировался пояс бедных районов внутри города. Общими для Петербурга и Лондона стали социальная и имущественная неоднородность населения при отсутствии сегрегации. Существовал вариант кругового (циркулярного) расположения социальных групп. В целом, Петербург, как считает Петерсен, по тенденциям развития скорее напоминал британскую, нежели австрийскую столицу.

Автор анализирует попытки регулировать жилищный вопрос через контроль над правом собственности на землю в черте города. Главными формами его решения стали фабричные квартиры и ночлежки. Они использовались фабрикантами в разных целях: для привлечения рабочих, получения выгоды, борьбы с «инакомыслием». На примерах «Вяземской лавры» — «трусщобы трущоб Питерских» и «Васиной деревни» на Васильевском острове показан образ жизни бедноты, формы использования жителями территорий и помещений. Интересным является сюжет о реализации в начале XX в. проектов дешёвых домов и «деревень» для семей рабочих. Первый ночлежный приют в Петербурге открылся в 1873 г. на Обводном канале, к концу XIX в. их насчитывалось уже более ста. Функцию приютов выполняли и постоянные двory. При этом городские и благотворительные заведения были несколько лучше, чем частные. После эпидемий тифа в 1895 г. и холеры в 1908 г. вопросы организации и содержания ночлежек ставились городской думой неоднократно.

Общества по улучшению жилищных условий неимущих возникали в столице с 1850-х гг. В конце XIX в. первые строительные товарищества делали попытки организовать не только проживание по низким ценам, но и работу столовых, читальных залов, детских садов. В качестве иллюстрации Петерсен приводит историю Гаванского городка. Однако низкая зарплата рабочих не позволяла им снимать жильё в городке, и квартиры стали заселяться представителями среднего класса. В целом расчистка трущоб проводилась с большим опозданием и охватывала только малую часть нуждающихся (с. 242–243).

Четвёртая глава посвящена рынкам как местам работы и существования «маленьких людей», центрам городских кварталов. В главе дан исторический обзор развития и регулирования, видов рыночной и уличной торговли. Показано, что чем дальше от центра находился рынок, тем худшую репутацию он имел. В некоторых районах (например, на Выборгской стороне) существовал только «базарный торг», в других обеспечение продовольствием и другими товарами производилось уличными разносчиками, в лучшем случае устраивались торговые ряды, осуществлялась продажа «с возов». Автор провёл подробный анализ обеспечения рынков товарами, отметил проблему роста цен из-за перебоев в снабжении города. В 1913 г. было даже принято решение о введении твёрдых цен на Сенном рынке.

На рубеже XIX–XX вв. встал вопрос о месте размещения книжной торговли («низовой книжности»), которая концентрировалась на рынках, мостах и улицах города. Здесь продавались народные сказки, лубки, жития святых и проч. Существовал и «чёрный» книжный рынок. Топографический охват мелкой торговлей, которая была сферой приложения сил

и интересов бедноты, сокращался под давлением городских властей. Менялось расположение торговых точек в результате новой пространственной структуризации города, последовательного выдавливания торговли с улицы «во внутрь» (в помещения). Интересно в этом смысле сравнение с Лондоном, где существовало понятие «уличный народ» («*street folk*»), имевший свою субкультуру.

В целом, Петерсен видит дореволюционный Петербург как современную для того времени метрополию с большим неравенством между центром и окраинами. Очевидными были контрасты между освещёнными проспектами и их тёмными «тылами». Вместе с тем делается вывод, что как таковой периферии в городе не существовало. Бедность «располагалась» не только на окраинах, динамично происходила перекодировка социального пространства (с. 361). Перспективным для дальнейшего исследования темы автор считает компаративистский подход. Необходимым, по его мнению, является сравнение тенденций развития социальной жизни Петербурга и других городов империи (Москвы, Одессы, Киева и др.), а также европейских столиц. Важными остаются вопросы социальной маргинализации в России в целом. Интерес представляет и исследование процесса смены внешней стигматизации и внутренней солидарности локальных структур города, выявление тенденций коллективного самовоспитания горожан.

В заключительной части книги приведён анализ трёх групп источников, которые позволили автору изучить тему городских «низов» на предметном уровне. Первая группа — это «эго-документы» (воспоминания, дневники). Автор не согласен с утверждением, что «низы» не оставляли таких материалов, и подробно анализирует содержательную сторону и объективность

записок С. Дрожжина, М. Ключевой, Н. Свешникова. Он обращает внимание на отражение в них микроистории определённых районов города. Вторая группа — заявления, прошения, жалобы, петиции в присутственные места. В них отражены интересы жителей в вопросах изменения ландшафта города и окрестностей, организации городской жизни. Третья группа — публицистические и научные журналы, литературные произведения. Особый интерес для автора представляет серия статей о «Васиной деревне», Обводном канале как «курорте» для простого народа и др. В журнале «Архив судебной медицинской гигиены и общественной гигиены» размещались статьи об усилиях Петербурга и других городов в деле благоустройства, материалы по вопросам переноса опыта организации городской жизни из Западной Европы в Россию. Анализ «низовых» документов, безусловно, важен для общего понимания источниковой базы работы. Остается, однако, неясным, почему он помещён в конце монографии, а не в первой главе.

Монография Петерсена привлечёт внимание специалистов по социальной истории и социологии городских пространств. Она может заинтересовать также широкий круг читателей — любителей истории Петербурга, поскольку написана не как справочник,

а как увлекательные рассказы. Книга важна и для лучшего понимания процессов, происходящих в современных городах, так как проблемы, которые выявлены историком, сегодня удивительно актуальны.

Примечания

¹ Социальная история Санкт-Петербурга / Под ред. В.Н. Соловьёва. СПб., 2005; *Williams C. Health and Welfare in St. Petersburg, 1900–1941. Protecting the Collective.* Routledge, 2018; *Bautz A. Sozialpolitik statt Wohltätigkeit? Der Konzeptionswandel städtischer Fürsorge in Sankt Petersburg von 1892 bis 1914.* Wiesbaden, 2007.

² *Кераум А.П., Лейкинд О.Л., Северухин Д.Я. Благотворительность в Санкт-Петербурге. 1703–1918.* Историческая энциклопедия. СПб., 2016; *Павлова О.К. Предпринимательство, призрение и благотворительность в Санкт-Петербурге (вторая половина XIX — начало XX вв.).* СПб., 2004; *Зимин И., Соколов А. Благотворительность семьи Романовых. XIX — начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора.* СПб., 2015; *Jahn H.F. Armes Russland: Bettler und Notleidende in der russischen Geschichte vom Mittelalter bis in die Gegenwart.* Paderborn, 2010; *Синова И.В. Повседневная жизнь детей трудящегося населения Санкт-Петербурга во второй половине XIX — начале XX вв.* СПб., 2013; *История петербургской интеллигенции / Ред. А.А. Оводенко, Е.Э. Платова, В.В. Фортунатов.* СПб., 2013; *Вахромеева О.Б. Социально-экономическое положение женщин в Санкт-Петербурге в конце XIX — начале XX вв.* Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2009; *Смирнов Д.С. Модернизация городского пространства Санкт-Петербурга в 1905–1914 гг.* Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010.